

СТАНИСЛАВ
ОЛЕФИР

КОГДА Я БЫЛ МАЛЕНЬКИМ, У НАС БЫЛА ВОЙНА...

Станислав Олефир

**Когда я был маленьким, у
нас была война... (сборник)**

ИД "КомпасГид"

УДК 821.161.1-32-93(081)

ББК 84(2=411.2)6-44я44

Олефир С. М.

Когда я был маленьким, у нас была война... (сборник) /

С. М. Олефир — ИД "КомпасГид",

ISBN 978-5-00083-177-9

Станислав Олефир — из того поколения, которое играло не в «войнушку» — только в «войну»: не могло легко мысленно относиться к этому слову. Победу они праздновать не умели — как можно радоваться дню, унёсшему жизнь отца, крёстного, деда, дяди? Но при всей их серьёзности «младшие дети войны» сохранили о страшных годах не одни лишь пугающие воспоминания: остались в их памяти и эпизоды поразительно светлые, иногда даже смешные. В коллекции зарисовок под общим названием «Когда я был маленьким, у нас была война...» как будто сплелись воедино все приметы эпохи. Коллективизация и немецкое наступление, освобождение села и послевоенный голод, «враги народа» и пленные — всё это в книге есть, и всего этого здесь нет. Об определяющих исторических событиях Станислав Олефир рассказывает в кратких очерках с помощью историй простых людей, избегая громких слов и обобщений. А поскольку жизнь в селе, где происходит действие, немыслима без животных, они становятся героями чуть ли не половины рассказов: друзья-собаки, безголосые куры и славный поросёнок Шерстюк, ловко оббегающий мины в поисках картошки, оказываются не менее интересны, чем люди. Жизнь оккупированного немцами украинского села показана глазами мальчишки 4–7 лет, для которого одинаково значимы любые события. Неожиданно подаренный немецким солдатом коробок спичек или пробивающая копытами дырки в крыше землянки коза — образы, в равной мере трогающие детскую душу. Война обнажает всё самое важное и скрывает сиюминутное, наносное, — проза Станислава Олефира даёт это прочувствовать в полной мере. Станислав Михайлович родился в Запорожье в 1938-м, более 40 лет прожил в Магаданской области, на Чукотке и Камчатке, умер под Санкт-Петербургом в 2015-м. По профессии он был агрономом и педагогом-химиком, а по призванию — охотником и путешественником, поэтому большинство его книг — о тайге, Крайнем Севере, диких животных,

с ними он был знаком не понаслышке. Сборник, который вы держите в руках, в этом смысле уникален: действие происходит совсем в других местах, в другие времена, и в центре внимания здесь прежде всего люди. Издание дополнено иллюстрациями Алексея Капнинского (Капыча) — лёгкими, стилистически выверенными, нарочито детскими: кажется, будто создал их сам главный герой.

УДК 821.161.1-32-93(081)

ББК 84(2=411.2)6-44я44

ISBN 978-5-00083-177-9

© Олефир С. М.
© ИД "КомпасГид"

Содержание

Память травой не зарастает	7
Когда я был маленьким, у нас была война	9
Когда я был маленьким, у нас была война	10
Капка	12
«Хенкель» и «Ястребок»	13
Мама, нямни!	16
Мой немец	17
Стрижи	21
Мяч	26
Паять, лудить!	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Станислав Михайлович Олефир

Когда я был маленьким, у нас была война

© Олефир С. М., наследники, текст, 2017

© Капыч, иллюстрации, 2017

© ООО «Издательский дом „КомпасГид“», 2017

Память травой не зарастает

Всё дальше от нас последняя большая война, Великая Отечественная. Всё меньше остается людей, которые жили в то время и могли бы рассказать о ней такое, чего не рассказывали до сих пор. Станислав Олефир – один из них. Рассказы в этой книге автобиографические – о детстве, которое прошло в украинском селе в годы немецкой оккупации. Когда началась война, автор был совсем маленьким, ему еще не было и трех лет, но его удивительно цепкая память сохранила такие детали, которые приковывают внимание. Повествование сразу становится достоверным, живым с самого начала, с описания жилища его семьи:

«Когда я был маленьким, у нас была война, и всю войну мы жили в землянке. Землянка – это очень низкая хата, в которой все сделано из земли: пол, стены и даже крыша. Поэтому на крыше росли всякие незабудки, ромашки и одуванчики. Оно бы ничего, даже красиво, но коза Капка легко запрыгивала на землянку, чтобы пастись. Копыта у козы острые, она расковыривала ими крышу, и, когда дождь, вода лилась нам на головы»...

Из множества ярких, легко представимых деталей складывается цельная картина. Простота и ясность детского взгляда позволяют приблизить и лучше понять то время и людей, взрослых и детей, среди которых встречались разные: добрые и жестокие, милосердные и бесчувственные, храбрые и трусливые... Были наши и были фашисты, которые тоже не были одинаковыми.

Это честная и правдивая книга о трагедии войны. О смерти, которая прямо рядом, и о той, которая вдалеке, но не менее страшная: вести о ней приходят с фронта вместе с похоронками – многие ровесники героя не дождались своих отцов. Есть воспоминания о том, что всегда связано с представлением о войне, – о страхе, голоде, ежедневной опасности в борьбе за выживание. Добыча еды, любого «подножного корма» может закончиться гибелью, то ли от мин, заложенных там, где раньше ходили без опаски, то ли от рук фашистов. В этих рассказах нет героев в привычном смысле – настоящие подвиги совершают обычные люди, знающие, что такое правое дело, справедливость, верность, долг. Эти люди работали, учились, помогали друг другу и верили в победу.

Главного героя ведут по жизни неиссякаемое мальчишеское любопытство и тяга к приключениям, потому он то и дело попадает в истории то забавные, то опасные. Он то отправляется в опасное путешествие за елкой, то на свалку, охраняемую злыми овчарками, которых легко обводит вокруг пальца хитрый и умный поросенок Шерстюк, то на станцию за окурками – табак можно было продать или обменять на базаре. Так раскрывается главная правда о детстве, непобедимый оптимизм которого окрашивает повествование светом радостным и добрым, несмотря на тяжесть обстоятельств и ощущений. И естественно приходит вывод: война чужда истинной человечности, но и тогда, когда она ломает и крошит все вокруг, в очень многих людях сохраняются и проявляются доброта, стойкость и вера в жизнь.

Несколько слов об ее авторе этой книги.

Станислав Михайлович Олефир (1938–2015) родился в Запорожье, в селе Пологи в учительской семье: мама была учительницей начальных классов, а отец – директором школы. Мальчик много читал и мечтал о путешествиях и приключениях. Сам себя он и в зрелом возрасте называл бродягой, а подростком несколько раз убежал из дома. Первый раз был пойман в Запорожье, второй – в Москве, потом – в Иркутске, но позже все – таки добрался до Приморья, где стал у знаменитого на Дальнем Востоке охотника Кеши кем-то вроде подмастерья – в тех краях это называлось «собачка». Вернувшись на родину, выучился в сельхозтехникуме на агронома, был кукурузоводом. Потом ушел в школу, где не было учителя ботаники и химии, и долгие годы воспитывал детей. Окончив химико-биологический факультет Хабаровского пединститута, Олефир уехал на Крайний Север, более сорока лет прожил в Магаданской области,

на Камчатке и Чукотке. Он был учителем химии и биологии, преподавал в начальных классах, был воспитателем, пионервожатым. Он вспоминал:

За тридцать лет работы с детьми я никогда их не «пас». Мало того: как это делали аборигены, шаманы, я вверял их огню, учил с ним разговаривать, как с живым существом, учил разжигать костер с помощью камня или палки, кипятить чай в бутылках из-под шампанского, играл с ними в футбол, волейбол, сочинял для них песни и танцы. Мне как-то встретился мужчина, сказавший: «Я тебя знаю. Когда я учился в школе, ты рассказывал нам, как воспитывать собаку. Ты – учитель, которого помнят»...

Помнят его и как автора более двух десятков художественных и научно-популярных книг. Большинство из них рассказывает детям и о природе и людях Крайнего Севера, о детстве в годы войны.

Ольга Корф

Когда я был маленьким, у нас была война

Когда я был маленьким, у нас была война

Когда я был маленьким, у нас была война, и всю войну мы жили в землянке. Землянка – это очень низкая хата, в которой все сделано из земли: пол, стены и даже крыша. Поэтому на крыше росли всякие незабудки, ромашки и одуванчики. Оно бы ничего, даже красиво, но коза Капка легко запрыгивала на землянку, чтобы пастись. Копыта у козы острые, она расковыривала ими крышу, и, когда дождь, вода лилась нам на головы...

От беженцев мама слышала, что немцы ночью воевать не любят и, хотя Новоселовка, которую немцы уже захватили, рукой подать, в наше село войдут только завтра утром. Но все равно мама запретила отлучаться со двора, а сама вместе с теткой Олянкой принялась рыть яму в землянке. Беженцы рассказывали: немцы забирают всё до последней нитки. Вот они и решили выкопать под кроватью яму и спрятать все, что может приглянуться немцам.

За детьми должна была присматривать мамина младшая сестра Поля. Но ей с нами было неинтересно, и при первом же случае она убежала к подружкам.

Забравшись на землянку, мы какое-то время наблюдали за самолетами, которые бомбили станцию, а когда самолеты улетели, отправились на огород проведать Капку и поискать оставленные в грядках морковки.

Морковок было мало, Капка на пустом огороде тоже не жировала, и мы решили отвести ее в колхозный сад. Пусть поест падалицы, иначе молока от нее не дождешься. На самом деле упавших с деревьев яблок и груш нам хотелось куда больше, чем козе.

Лида тащила Эдика, я с Наташкой тетки Олянки – корзину под падалицу, Инна – за веревку козу. Остальные эту козу подгоняли.

Миновали переулочек, выбрались на шлях и, утопая по щиколотки в теплой пыли, направились к саду. Здесь мы и услышали гул моторов. Нам бы спрятаться в ближнем дворе или хотя бы сойти на обочину – мы же сбились посередине шляха и высматривали: что оно едет?

Там нас и застала колонна мотоциклистов. Все в касках, рубашках с закатанными рукавами и автоматами на груди. Не успели мотоциклисты поравняться с нами, как со двора деда Божка выскочил Рябчик и с лаем бросился навстречу колонне. Передний мотоцикл утишил ход, сидящий в коляске солдат наклонился к беснующейся собаке, захлопал в ладоши и залаял: «Ав-ав-ав-ав!» Мы с Наташкой засмеялись, удивляясь, до чего похоже у него получается, но старшая из нас всех Лида вдруг испуганно повернулась и закричала: «Немцы! Бежим!»

Здесь затарахтел автомат. Нет, стрелял не тот немец, который кривлялся. Стреляли из другого мотоцикла. Выстрелы из-за треска моторов были не очень громкими, но по тому, как вздыбились фонтанчики пыли на шляху, как упал и засучил лапами Рябчик, мы поняли: нас могут убить.

И мы побежали. Побежали прямо посередине шляха. С Эдиком, козой и корзиной. Слева и справа мимо нас катили мотоциклы. Где-то залаяла и смолкла, пересеченная очередью, еще одна собака, а мы бежали и бежали. Даже когда последний мотоцикл с подпрыгивающим в коляске немцем скрылся за поворотом, все еще молотили пятками по пыли...

А потом мама была оставившую нас без присмотра Полю. Зло хлестала по щекам так, что оставались отпечатки пальцев. Первый и последний раз в жизни. Била и плакала.

В этот день в наше село вступили немцы.

Капка

В Новоселовке остановилась немецкая часть и за три дня выловила всех кур. А это от нас чуть больше двух километров.

Мама сразу ударилась в панику. Наказала никому не отлучаться из дому. Особенно девочкам. А жившую вместе с нами ее младшую сестру Полю вообще отправила в Чапаевку. Пусть живет у дедушки. Там безопаснее.

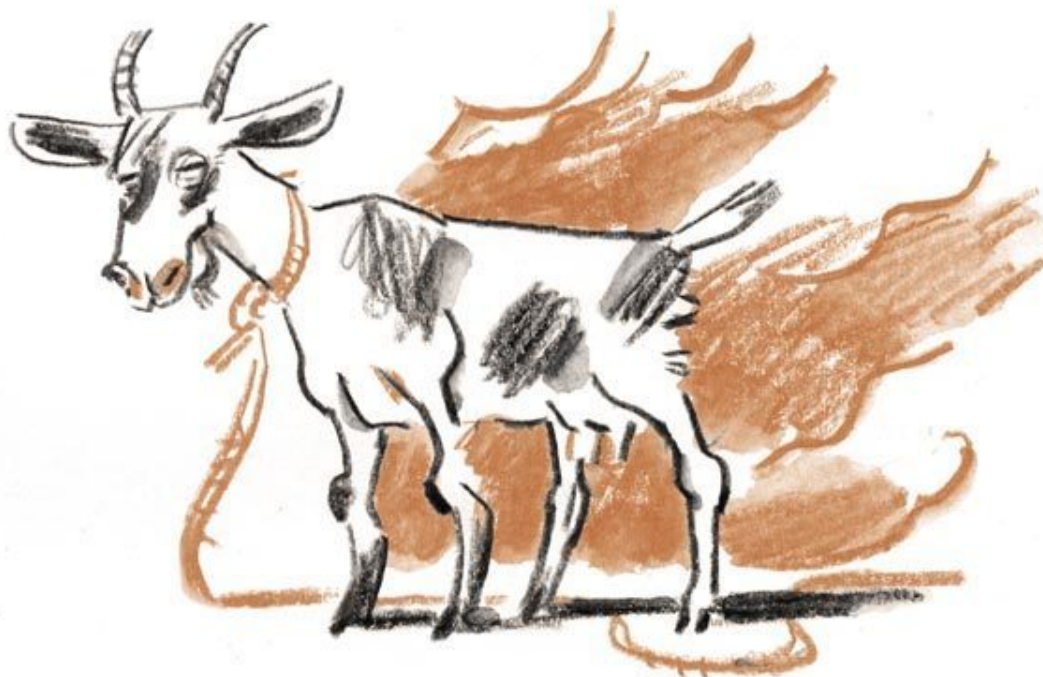
Еще она распорядилась не выпускать из сарайчика козу Капку.

– Чует мое сердце, – сказала она, – эти гансы доедят кур и примутся за коз.

Но мама ошиблась. Скоро в нашем селе появилась интендантская команда из трех полицейцев и немца. Забрала не козу, а корову Розку тетки Марии. Тетка Мария не хотела отдавать Розку – тогда немец убил тетку из автомата, и полицейши потащили корову в Новоселовку. Розка шла за полицейскими, мычала и оглядывалась. Даже когда шлях завернул за колхозный сад, было слышно ее мычание...

Хотя коровы оставались еще в нескольких дворах, в ту же ночь мама вместе с дедом Сначуком зарезали Капку, а мясо засолили.

Инна и Лида плакали, но мы с Эдиком – ничего. Эта коза сжевала мою тетрадку по арифметике, к тому же очень бодучая. Девочек не трогает, а нас с Эдиком – хоть по двору не ходи. Теперь не боднется! К тому же нам достались ее рога, в которые можно замечательно дудеть.

Но остальные долго жалели Капку и даже помои по привычке сливали в ее ведро. Лишь когда интендантская команда угнала в Новоселовку и коз бабушки Соньки, жалеть перестали.

«Хенкель» и «Ястребок»

Когда Капки не стало, ее сарайчик вычистили, побелили, и получилась замечательная комната. Конечно, без печки, да и козий запашок остался, но это не важно. Мы там мастерили рогатки, резались в карты, рассказывали друг другу всякие истории.

Когда захолодало, в Капкином сарайчике стали ночевать нищие. Их во время войны хватало. Нам самим есть нечего, а они ходят от двора ко двору и просят: «Подайте ради Христа!» Женщин наша мама привечала не очень: «Бог подаст! У меня голодных детей полная хата», – и до свиданья! Зато со стариками делилась последней крошкой. Зазовет в хату, нальет горячего супа и, пока тот ест, расспрашивает: где был, что видел? Если поздно, отправляла в сарайчик спать. Там набитые сеном матрац и подушка, какое-нибудь старое пальто. Чтобы совсем уж не холодно, ставила в сарайчике ведро кипятка. И погреемся человек, и лицо сполоснет.

Нищие за это маму любили – бывали случаи, оставляли в сарайчике целую гору всяких кусков. Почему-то считалось, утром отправляться христарадничать нужно только с пустой сумкой. Конечно, оставляли нам куски не так и часто, но мы с Инной, лишь только нищий заворачивал в нашу хату, тайком подглядывали: топорщится ли его сумка?

Но главное не это; главное были истории, которые рассказывали нищие. Чаще всего они были о том, как мать неожиданно находила среди беженцев потерянных детей, жена встречала мужа, а мать – раненого сына. Помню, всех поразила история, как одной женщине приснился домик в Запорожье, где лежит ее раненый муж. Она добралась до города, нашла домик, а раненый муж и в самом деле там! Забрала, отвезла в село, живет – не нарадуется.

Были, конечно, истории о зверствах немцев. Один пьяный немец забыл свой ранец в одной хате, а отправился искать в соседнюю. Никакого ранца, понятно, не нашел и перестрелял всю семью. И взрослых, и детей. В другом селе немец сам уронил гранату, она и взорвалась. Тоже на людях зло согнали. Сожгли половину села.

А однажды нищий старик, которого мама уважительно называла Иван Макарович, рассказал о ночном бое под Миусом. Фашистские самолеты бомбили наши позиции, а утром люди увидели на колхозном поле два разбившихся самолета: немецкий «хенкель» и наш «ястребок». У фашистского самолета пять летчиков, настоящая пушка, шесть пулеметов, а у нашего летчика – всего один пулемет. Может, «ястребок» специально врезался в «хенкель», может, просто столкнулись в темноте или их сбили зенитки, – сказать трудно. «Хенкель» упал на землю и взорвался, а наш только раскололся пополам. Ни горячего у него, ни патронов. Чему взрываться? Лежит летчик живой и даже улыбается. Немцы погрузили его в машину и увезли.

Люди, конечно, говорят, что «ястребок» врезался специально. Может, немцы его семью убили, вот и отомстил.

О том, что «хенкель» мог тоже таранить «ястребок», никто даже не заикнулся. Чего ему защищать на нашей земле?

Но самое интересное не это. Самое интересное то, что полицаи из интендантской команды тоже рассказывали об этом случае. Староста отправил их по хатам записывать, у кого остался какой скот. Зашли и к нам. У нас в корзине под кроватью две безголосые курицы, и всё. Не хватало еще немцев кормить!

Полицаи хорошо знали нашу маму, относились к ней уважительно и тоже рассказали о битве «ястребка» с «хенкелем».

– Наш истребитель специально в немецкий бомбардировщик врезался, – уверенно заявил старший полицай. – Это «пойти на таран» называется. Русские летчики на таран еще в Первую мировую ходили. Многие даже после этого живыми оставались. Нужно только винтом по хвосту ударить – и в сторону. А этому не повезло или не хватило горючего еще один заход сделать. «Хенкель»-то из пулемета взять трудно.

Когда полицайи ушли, мама горестно вздохнула и сказала тетке Олянке, вместе с которой мы жили всю войну:

– Вот и разберись с людьми. Гитлеру служат, а за наших сердце болит. Ты же сама слышала, как этому летчику завидуют. Несчастные мужики! – Затем улыбнулась и добавила: – Ты, Оля, заметила, этот полицай мне рассказывал, словно урок отвечал. Наверное, неплохо учился.

Мама, нямни!

Еще больше запомнилось, как через наше село гнали евреев. Расстреливать! Возле станции выкопали противотанковый ров, там и расстреливали. Евреи знали, что с ними будет, поэтому старались спасти хоть детей. Одни передавали их женщинам, которые собрались у шляха, другие просто кидали за изгородь.

Немцы злились, если наши женщины подходили с лишком близко, кричали: «Век! Цурюк!» – и стреляли из автоматов. Когда минули село, двое – муж и жена – выскочили из колонны и побежали в степь. Немцы сначала стреляли, потом догнали на танке и раздавили.

Люди в тот день побоялись идти туда, пошли только на второе утро. Мужчина и женщина лежат, раздавленные танком. Лето, жара, мухи роем. Здесь же ползает ребенок. Весь в крови. Ему танк тоже переехал ножку, но не очень. Только кровь, и все.

Малыш почти не плакал, а все время просил есть. То по женщине ползает и просит: «Мама, нямни! Нямни!» То по мужчине: «Папа, нямни! Нямни!»

Совсем маленький, не понимает того, что мама с папой давно мертвые и покормить его не могут.

Бабушка Марфа забрала мальчика, напоила козым молоком и перевязала ножку, а мама отнесла ему Аллочкины распашонки. Моя сестра Аллочка из них выросла, а этому мальчику в самый раз. Мальчик уже давно не плакал и, когда мама взяла его на руки, стал просить у нее титю. Тогда мама понесла его к тетке Лидке и тетке Соньке, у которых грудные дети. Так всем селом мальчика и кормили.

Правда, жил он у бабушки Марфы недолго. Ночью пришли какие-то люди и унесли с собой.

Эти люди рассказали: когда немцы расстреляли евреев и засыпали противотанковый ров землей, земля над ними шевелилась еще три дня.

Мой немец

От нас до железнодорожной станции больше пяти километров, но, если забраться на землянку, можно разглядеть всё до малейших подробностей. И покосившийся элеватор, и водонапорную башню, и даже дымы от паровозов.

В начале войны станцию бомбили немецкие самолеты. Когда пришли немцы – бомбили наши, а под конец – снова немецкие. Доставалось на орехи и нам. Если огонь зениток был слишком сильный, летчики отворачивали от станции и сбрасывали бомбы куда попало. Особо немские. Однажды они разбомбили три хаты вместе с людьми. В крайней жила двоюродная мамина сестра Лена вместе с детьми. Убило всех. Поэтому, как только самолеты поворачивали от станции, мы прятались в погреб и не казали носа.

Когда отворачивали наши самолеты, никто не прятался, потому что наши бомбили одну железную дорогу. Наверное, летчицкие командиры давали задание: не удалось разбомбить станцию – шпарьте по путям.

Я вместе со старшими сестрами внимательно следил за самолетами и, хоть мама обещала прибить, прибежал к тому месту, где только что упали бомбы, первым. После бомбежки на путях оставалось полно разбитых вдребезги шпал. Мы собирали щепки, складывали на повозку и тащили домой.

До войны-то печь топили углем, но при немцах его не купить, поэтому топили собранным в степи бурьяном. Он же – пых! – и сгорел, словно порох. Пока суп сварить, одного дыму наглотаешься. А дрова из шпал – лучше не бывает. Чуть подложил – и все кипит.

Однажды утром, когда станцию бомбили наши самолеты, на путях рвануло так, что качнулась землянка. Мы за повозку – и туда. Глядим, железный мост через реку вместе с рельсами разорвало пополам.

Нам бы порадоваться за летчика, а Лида обиделась:

– Он слепой, что ли? Там же ни одной деревянной шпалы! Неужели не видит, что нам топить нечем? Только бомбу зря угробил...

Но добыть дрова для плиты – это еще полбеда. С самого начала войны почти ни у кого не осталось спичек. Одни, чтобы иметь огонь под рукой, не гасили лампадку возле иконы, другие засыпали угли золой, дед Панькович добывал огонь кресалом. Возьмет кремь, старый напильник – и давай кресать. Только искры в стороны. Потом под эти искры ватку подставит, она и разгорается.

Мы старались засыпать угли золой. И все бы хорошо, если бы не мамин родственник дед Сначук. Захочет покурить, свернет сигарку – а огня нет. Идет к нам и копается в нашей плитке, как у себя дома. Прикурить-то прикурит, но уголькам – капут. Утром сестры роются-роются в холодной золе, затем суют мне в руки дырявое ведро и отправляют, как девочку из сказки, за подснежниками – «за жаром». Приказ известный: без жару не возвращаться!

Стою на улице с ведром, смотрю, у кого над дымоходом поднимается дым, и выбираю: к кому идти? У тетки Куньки на постое немцы, к ней соваться не стоит. К тетке Палашке не достучишься, тетка Нинка жару хоть и даст, но выговорит – в другой раз не захочется. Лучше всего к деду Паньковичу. Он тоже меня не очень приветствует, но его взрослая дочь Вера называет женихом и, когда прихожу в гости, угощает поджаренным ячменем.

Возвращаюсь от деда Паньковича, размахиваю, словно поп кадилом, дырявым ведром, дым от меня во все стороны. Навстречу – два немца. Молодой и старый. С котелками и автоматами. Вера деда Паньковича предупредила, что возле разбомбленного моста застрял эшелон с солдатами, и они разбрелись в поисках «млеко, курки, яйки». Про волков помолвка, а они и здесь! Увидели, подманивают пальцем и показывают на ведро:

– Партизан? Диверсант?

Я испугался, но марку держу:

– Не-е! Маме помогаю. Детей много, холодно, ам-ам варить нужно, а спичек, – развожу руками, – нет.

Молодому немцу я со своим ведром-кадилом не интересен, а старый присел, ковырнул желтым прокуренным пальцем угли и похвалил:

– Гут! Гут! – хорошо, значит. После похлопал меня по карманам, чтобы показал содержимое. Там горсть насыпанного Верой ячменя и больше ничего. Немец взял два зернышка, бросил в рот, пожевал, снова сказал: «Гут!», – сунул руку в свой карман и дал мне коробок спичек. Полный полнехоньки! На чиркалке еще ни разу не чиркнуто! Погладил по голове и показал, чтобы я шел домой.

Дома я весь день был героем. В тысячный раз рассказывал, как кадил ведром, как меня признали за партизана, как угощал немца жареным ячменем и, конечно же, как он вдруг подарил мне полный коробок спичек!

К вечеру мост отремонтировали, скопившиеся на путях эшелоны пропустили на станцию, и почти тотчас налетели наши самолеты. Там все гремело, горело и взрывалось. Мы с Эдиком, Инной и Лидой сидели на крыше землянки и радовались. Эти немцы ехали на фронт, чтобы убить нашего папу, а им дают прикурить! Это вам «млеко»! Это «курки»! Это «яйки»!

Хотя, если честно, наверно, я радовался немного меньше других. Там, на станции, могли убить и «моего» немца.

Стрижи

До войны наш родной папа учил детей в железнодорожной школе, а крестный папа Леня летал на боевом самолете. Хотя войны еще не было, но вокруг много врагов и нужно быть готовым к бою. Мы так и пели:

Если завтра война, если завтра поход,
Будь сегодня к походу готов!

Вот крестный папа Леня всю неделю дежурил на аэродроме, а воскресенье они вместе с нашим папой сажали нас с Эдиком на закорки и отправлялись к круче.

В круче жили стрижи. Они наделали глубоких норок, устроили гнезда и вывели стрижат. Целый день стрижи роем носились у кручи и ловили комаров; ночью стрижихи-мамы оставались с детьми в норках, а стрижи-папы улетали в небо. Папа Леня рассказал, что стрижи так любят небо, что даже спят в полете.

Поднимутся выше туч и парят до утра.

Под кручей темнел глубокий омут, в котором жили сомы. Целый день они лежали под корягами, ночью всплывали и хватали лягушек, мышей и даже утят. Мы купались в омуте, а вечером лежали на траве и провожали стрижей в небо. Вот они уже не больше обыкновенной ласточки, вот словно мотыльки, вот над головами только черненькие точки, наконец растаяли совсем.

Когда улетали все стрижи, папы ставили на сомов удочки и цепляли колокольчики. После разводили костер и варили казацкий кулеш, а мы с Эдиком следили за колокольчиками. Нам казалось, что вот-вот они зазвонят и поймается большой сом.

Но сомы из воды хорошо видели нас и клевать не хотели. Мы с Эдиком оставляли колокольчики в покое, обедались кулешом и засыпали, а папа Леня накрывал нас своей шинелью.

Однажды на рассвете я проснулся от холода. Это Эдик стащил с меня шинель. Возникло небольшое сражение, и мы проснулись окончательно. Глядим, один колокольчик валяется на песке, а удочка тихонько ползет в воду. Подхватились, схватили удочку, а на ней – сом. Хвостом как бухнет, удочку вырвал и пошел гулять по омуту. Хорошо, наши папы спали бдительно. Бросились в воду и вытащили сома на берег.

Был он больше Эдика и даже больше меня. С огромной головой и толстыми усами. Оба папы сразу же честно признались: если бы не мы с Эдиком, только сома и видели.

Мы радовались, пели победные песни, и, казалось, счастья не будет конца. Но подъехал на коне боец, вручил папе Лёне пакет, и счастье закончилось. В Испании началась война с фашистами, и папа Леня улетел туда воевать.

В то утро мы хотели посмотреть, как стрижи возвращаются с неба, но так и не дождались. Не дождались с войны и папы Лени.

Мяч

Когда-то мой крестный папа привез мне из Испании мяч. Он вывозил детей из-под фашистского обстрела, вот кто-то мяч в кабине и оставил. Был этот мяч величиной с маленький арбуз и очень прыгучий. Мы играли им в стукалочку, лапту, квача и даже футбол.

Правда, в футбол играли только босыми ногами, потому что ботинком можно отбить мячу сердце. Так мы называли комочек резины, которым изнутри закрывали дырочку, чтобы не выпустить воздух. Как эту пробочку-сердце вставляли в мяч – не знаю до сих пор. Знаю, что, лишь оно начнет греметь внутри мяча, можно с ним прощаться. Через день-два весь воздух выйдет, и мяч станет как тряпка.

Иногда я разрешал поиграть мячом и взрослым мальчишкам, но только в моем присутствии. Они, значит, сражались в футбол, а я следил, чтобы не лупили слишком сильно. Каждые пять минут забирал мяч и проверял: не отбили ли у него сердце?

Потом самолет Лени – летчика-самолетчика – сбили, а папин друг Игнат, который тоже воевал в Испании, вернулся домой на костылях. О гибели моего крестного он и рассказал.

Однажды утром проснулся и вижу: Игнат сидит среди нашей хаты, штанина засучена выше колена, а из-под штанины выглядывает обрубок ноги. Рядом – обутый в ботинок деревянный протез, в который папа прилаживает мой мяч. Отрубленная нога в протезе очень болит, вот они и решили сделать подушку.

Игнату протез с подушкой из моего мяча очень понравился, и он счастливый ушел домой. А я лежал под одеялом и плакал. Я обиделся и на отдавшего мой мяч папу, и на счастливого Игната, и на фашистов, из-за которых остался без мяча.

Мне и сейчас обидно.

Паять, лудить!

В детстве мы с Эдиком любили ходить на станцию. Смотрели на паровозы, слушали прицепленный к столбу громкоговоритель и даже делали под него зарядку. До сих пор помню: «Занятие ведет преподаватель Гордеев, музыкальное сопровождение – пианист Родионов». Они, значит, в Москве командуют: «На месте шагом марш!», а мы у себя на станции маршируем!

Но больше всего любили смотреть и слушать Соломона Моисеевича. Возле станции был базар, где продавали молоко, картошку, яблоки и жареные семечки. У самого входа посудный доктор Соломон Моисеевич торговал оловянными палочками. Еще издали было слышно, как он зовет народ:

Паять, лудить
К мастеру не ходить.
Мастер далеко живет,
Дорого берет:
За дырочку – пять рублей!
А с моей палочкой
Каждая хозяйка
Сама ее залудит,
И посуда заблестит!

Интереснее всего, что прямо за прилавком он паял дырявые ведра, кастрюли, котелки и кружки, с которыми подходили разные люди. Бесплатно! Нагреет на примусе паяльник, поводит по котелку – и на месте дырки уже оловянная заплатка. Вручает хозяйке и говорит: «Это вашим деткам на радость».

Иногда женщины приносили даже чугунные горшки.

– Это уже «на медь», – выносил приговор Соломон Моисеевич и прятал дырявый чугунок под прилавок.

Как он приводил его в порядок – для нас с Эдиком оставалось тайной, но на следующий день хозяйка получала свой чугунок почти новым. В благодарность она покупала одну, а то и две оловянных палочки.

Здесь же на прилавке, рядом с примусом, стояла фотография жены и двух старших дочерей Соломона Моисеевича. Еще там был нарисованный художником из железнодорожного клуба портрет младшей дочери Софочки: рыжей как само солнце и глазастой девочки в синем платье и с большим красным бантом.

Раньше, когда Эдик был еще очень маленький, я вдвоем с дочерью деда Паньковича Верой торговал молоком. Бабушка Маруся доила корову Зорьку, наливала в бидон молока, и мы с Верой шли на базар. Она несла бидон, а я – баночку, чтобы отмерять покупателям молоко. В том месте, где сейчас Соломон Моисеевич торгует оловянными палочками, стоял деревянный домик, в котором он работал. Вера ставила бидон на специальное окошко, Соломон Моисеевич наливал маленький стаканчик молока, рассматривал на свет, нюхал и пробовал на вкус. После выливал оставшееся на дне стаканчика молоко в маленькое ведерко и приклеивал на бидон бумажку.

Эта бумажка обозначала, что молоко совершенно свежее и вкусное, поэтому можно покупать без всякого сомнения.

На молоко, которое Соломону Моисеевичу не нравилось, он никакой бумажечки не наклеивал, а выплескивал в таз и старательно мыл стаканчик. Это считалось позором, и,

когда кто-нибудь торговал прокисшим или разбавленным водой молоком, люди говорили: «Его только в таз Соломону!»

Наше молоко ему всегда нравилось, поэтому Вера спокойно бегала по магазинам, а я торговал. Городские женщины сами отмеривали себе молоко, сами подсчитывали, сколько нужно платить. Хорошее оно или нет – никто не спрашивал. Главное – держать бидончик так, чтобы бумажка была перед самым носом.

Как-то учительница из Новоселовки жаловалась маме:
– Купила на нашем рынке молоко, а оно с каким-то запахом. Даже кошка пить не стала.
Вам-то хорошо, у вас Соломон Моисеевич!

В селе многие завидовали его работе. Это же нужно: напьемся задаром молока, да еще и принесешь в ведерке! Мама рассказывала, что один ученик на вопрос, кем хочет стать, написал: «Соломоном Моисеевичем»!

Когда началась война, немцы арестовали всю его семью и увезли в концлагерь. Одни говорили, что жену Басю Исааковну, которая раньше работала учительницей в железнодорожной школе, и трех дочерей сожгли в печи, другие – что Басю Исааковну отправили в Польшу, а детей – в латвийский лагерь Саласпилс, в котором из детей брали кровь для раненых фашистских летчиков.

Соломон Моисеевич оказался в самой Германии. Там в концлагере фашистские врачи ставили на нем свои опыты. Когда Красная армия приблизилась к конц лагерью, заключенных, на которых ставили опыты, хотели убить, но наши бойцы всех освободили.

Соломон Моисеевич вернулся домой один. Раньше он был полный и белый; сейчас кожа висела складками, как на летучей мыши, а лицо от фашистских опытов стало сизым, почти синим, и в каких-то ямках. Словно человек переболел оспой, только намного глубже. Никто не мог его узнать, а некоторые даже боялись подходить.

Домик, в котором он когда-то проверял молоко, давно сгорел. Вот и бродил все лето вокруг пожарища. Что пил? Что ел? Не знает никто. Знают лишь, что сначала писал письма, пытаясь выведать о судьбе жены и детей. Потом начал обращаться к гадалкам. Всем подряд. Даже моя мама с учительницей из Новоселовки ворожили ему на картах. Они всю войну ворожили на папу и учителя физики Григория Гавриловича; теперь взялись выведать судьбу детей и жены Соломона Моисеевича.

Еще я видел, как он гадал на морской свинке. В субботу и воскресенье на базаре появлялся слепой старик с коробочкой билетиков и морской свинкой. Устраивался среди базара и предлагал всем погадать:

Свинка морская билетики таскает.
На каждый билетик дает ответик.
Что будет сейчас, через час,
Вечерочком, на всю ночь.
Что стучит-грючит, дверь откроет,
сердце успокоит.

Нараспев говорил слепой старик и подбрасывал на ладони заморское чудо, словно это обыкновенный котенок.

Вокруг собирались люди. Наконец кто-то платил пятьдесят копеек, старик сажал морскую свинку на коробку, где была уложена целая тысяча маленьких конвертиков. Свинка с самым деловым видом обнюхивала конвертики, вытаскивала один и опускала слепому в подставленную ладонь. Тот хвалил свинку, прятал в карман и так, чтобы видели все окружающие, засовывал выбранный конвертик между остальными. Иногда он просил сделать это того, кто хотел узнать свою судьбу. Морская свинка сидела в кармане и терпеливо ждала своей очереди. Наконец ее извлекали на божий свет и предлагали отыскать выбранный конвертик. Та снова обнюхивала конвертик и извлекала уже знакомый окружающим. На просьбу слепого: «Прокомпостируй билетик!» – ловко отгрызала уголок конвертика, в котором на узкой полоске бумаги была написана «судьба».

Я не видел, чтобы эти конвертики покупал Соломон Моисеевич, но мама говорила, что у него их полный карман. Еще она говорила, что все сходится к тому, что младшая дочь Софочка жива и отцу предстоит встреча с ней. Нагадали это мама с учительницей из Новоселовки, морская свинка или кто-то другой – мы с Эдиком не знали. Знали лишь, что, когда мама гадала на папу, когда он был на фронте, ей ни разу не «выпадало», что он погиб, а вот крестной маме

и тетке Олянке «выпадало». Папа вернулся домой, а их мужья погибли. Значить, вернется и Софочка.

Соломон Моисеевич очень переживал, что она приедет и не сможет его узнать. Ведь прежним у него остался только голос. Тогда и придумал торговать оловянными палочками. Услышал, как мужик торгует этим товаром в городе, вот и научился.

К тому времени на месте деревянной будки уже построили торговые прилавки. На ближайшем от ворот, с оловянными палочками, примусом да паяльником, он и обосновался.

Кроме всего, поставил на видном месте фотографии жены и старших дочерей. Отыскал у людей школьные снимки, переснял на «пятиминутке» и поставил. Фотографии младшей дочери ни у кого не оказалось, он попросил художника из железнодорожного клуба нарисовать. Люди говорили, что девочка получилась очень похожей. Прямо как живая! Хотя наш папа не верил. Этот художник нарисовал портреты Ленина и Сталина и повесил в клубе. Оба больше походили на колхозного конюха Зипу, чем на вождей пролетариата. Все люди смеялись. Пришла комиссия и приказала снять, не то посадят в тюрьму. Но Ленина и Сталина он рисовал с готовых портретов, а Софочку – только по отцовской памяти, с его слов.

Чем больше Соломон Моисеевич гадал, тем больше появлялось уверенности, что вот-вот появится дочка. Дождь ли, снег, жара или мороз – над базаром несло его несколько картавое:

Паять, лудить
К мастегу не ходить...

Умолк лишь один раз, и то всего на две недели. Оказывается, поймали фашистского врача, который ставил в концлагере опыты на живых людях, и устроили над ним суд. Соломона Моисеевича на этот суд в Германию и пригласили. После нашей победы Гитлер наелся крысиного яда, а остальные фашисты переоделись, завели новые паспорта и удрали за три моря. Там сидели и радовались. Мол, я не я и лошадь не моя. Этого поймали в самой Бразилии.

Вместе с Соломоном Моисеевичем на суд пригласили еще человек десять заключенных, над которыми фашистский палач ставил свои опыты. Пригласили и бойцов Красной армии, которые освободили этих заключенных.

Костолом отпирался, как мог, говорил, что издеваться над людьми ему приказал сам Гитлер. Но ничего не помогло. Соломон Моисеевич и другие заключенные рассказали суду всю правду, и фашистского палача приговорили к расстрелу.

Конечно, об этом написали все немецкие газеты, а потом перепечатали и в других странах.

Вышла газета и в Бельгии, где жила младшая дочь Соломона Моисеевича Софочка. Там были крупные фотографии фашистского врача – в эсэсовской форме и уже переодетого в бразильскую одежду, – прежняя и новая фамилии, даже фамилии тех, кто помогал ему издеваться над узниками концлагеря. Но вот самих узников – только групповая фотография без всяких фамилий.

Я уже говорил, что Соломона Моисеевича после фашистского плена можно было угадать только по голосу. Все остальное изменилось до неузнаваемости. Но Софочка узнала! Тринадцатилетняя девочка, у которой от концлагеря остался только выколотый на руке номер, возвращалась из школы. Шла себе по Брюсселю, и вдруг ее словно кто-то толкнул. Поднимает глаза: на витрине киоска – газета с фотографией, а с фотографии смотрит папа! Конечно же, исхудавший до невозможности, вместо кудрей – лысина, лицо изуродовано, но папа! Не сомневалась ни минутки.

Дальше все просто. Написали в Германию, оттуда прислали увеличенную фотографию и, главное, адрес отца. В сопровождении женщины из Красного Креста к нам на станцию и приехала. Эта женщина ведет Софочку по указанному в документах адресу, а та просится сначала

на базар. Поезд пришел утром, самое время продавать молоко, вот и решила, что отец уже в своей будочке. Наливает в стаканчик молоко, нюхает, пробует на вкус, выливает остатки в серебристое ведерко, наклеивает на бидончики свои бумажки.

Подходят к базару и еще издали слышат:

Паять, лудить,
К мастегу не ходить.
Мастег далеко живет,
Догото бегет:
За дыгочку – пять рублей!

Софочка на мгновение застыла, затем из всех ног бросилась к торговым прилавкам: – Папа! О том, как споткнулся на полуслове Соломон Моисеевич, как загремел уроненный котелок и как плакали, обнявшись, отец с дочерью, знают все люди. Вера деда Паньковича, которая как раз была на базаре, рассказывала, что вдруг, ни с того ни с сего, потух примус, а на пасмурном с утра небе проглянуло солнце.

– Папа, – вдруг спросила, оторвавшись от него, Софочка, – а что ты здесь делаешь? Когда ехала сюда, все время мечтала, как ты меня молочком от ста коровок напоишь. Помнишь, ты приносил в серебряном ведерке и говорил: каждая корова свою травку любит. Одна – люпин, другая – душистый горошек, третья – козлобородник, четвертая – выюнок или полынь. Если молоко от всех коровок смешать, получится самое вкусное и полезное. Еще говорил, что настоящих принцесс только таким молоком поили.

– Я сейчас, я быстро, – засуетился Соломон Моисеевич. Достал из-под прилавка только что запаянное ведерко, отправился вдоль прилавков и попросил всех молочниц налить по самой малости. – Плесните по капельке моей Софочке на радость. – Просит – и плачет; женщины наливают и плачут вместе с ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.